

УДК 81'373.45

DOI 10.17223/19986645/37/6

Э.Н. Меркулова

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ И НЕКОТОРЫХ РЕЧЕВЫХ ФУНКЦИЯХ АНГЛИЙСКОЙ ДУБЛЕТНОЙ КСЕНОЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется специфический класс англоязычных заимствований – дублетная ксенолексика, чье интенсивное функционирование в речи представителей определенных социальных групп можно считать характерной тенденцией в развитии современной коммуникации XXI в. Дается определение дублетной ксенолексики, выявляются ее лингвистические характеристики и обозначаются речевые функции этого явления, отражающего специфику развития языка на современном этапе и состояние современного общества.

Ключевые слова: лексические заимствования, дублетная ксенолексика, речевые функции, социальная идентичность.

«Жизнь в эпоху перемен... сопряжена с резкими и чувствительными изменениями в языке» [1. С. 16]. Последние три десятилетия в полной мере подтверждают это высказывание. С середины 80-х гг. прошлого столетия происходили поистине революционные изменения в российском обществе, когда вместе с изменением общественной формации и распадом Советского Союза шли чрезвычайно болезненные процессы ломки старых общественных отношений, связанные с переоценкой доминирующей идеологии, поисками новых ценностей и пр. Одновременно с этим начали развиваться международные контакты, страна стала участвовать в глобализационных процессах, расширились межъязыковые контакты во всех общественных сферах. Эти и другие экстралингвистические факторы способствовали активизации процесса лексического заимствования англоязычной лексики. Общественно-политические события конца XX в. явили собой чрезвычайно интересный материал для социальных исследований. Не менее интересный для изучения материал представляет реакция языка на отмеченные политические и социальные явления. Поэтому не случайно то, что языковые процессы конца прошлого века, включая процесс обновления лексического состава русского языка, привлекли внимание ведущих российских лингвистов, которые обобщили и всесторонне проанализировали все возможные реакции языка на бурные общественные процессы конца 1980-х и 1990-х гг. [2–5].

Мы живем в другую эпоху и, находясь внутри перемен, также отмечаем отдельные явления, которые позже превращаются в тенденции или, не успев задержаться в языке, исчезают из речевого употребления, оставаясь лишь зарегистрированными маркерами своего времени. Лабильность и разновекторность современных языковых процессов способствуют накоплению изменений на всех уровнях языка, что позволяет некоторым исследователям гово-

речь о «трансформациях, которые несут с собой коммуникативную революцию» [6]. В частности, формируется такая коммуникативная компетенция носителя русского языка, в которой англицизмы являются ее важной языковой составляющей. Возможно, что это одна из причин того, что «уже слышны жалобы старших носителей литературного языка, переставших понимать младших» [7. С. 15]. Старшему поколению стало сложно понимать молодежь еще и потому, что за последние два десятилетия существенно изменился стиль общения. Внедряются этикетные модели поведения, максимально приближенные к «усредненной западной культуре общения» [8. С. 83].

В настоящей статье рассматриваются языковые явления, которые всегда присутствовали на периферии языка, но в настоящий момент именно в результате укоренения определенных общественных процессов, сопровождающихся соответственной реакцией языка, превратились в обширный лексический корпус в количественном отношении, а также приобрели или заметно акцентировали некоторые дополнительные функции в процессе своей речевой реализации. Речь идет об английской дублетной ксенолексике русского языка.

Для целей нашего исследования являются актуальными предложенный О.Г. Щитовой термин «новейшая ксенолексика» [9. С. 278], а также введенный нами новый термин, называющий особый подтип иноязычных заимствований – «дублетная ксенолексика». Дублетная ксенолексика, являющаяся объектом описания в данной статье, – это одна из специфических разновидностей заимствованной лексики внутри выделенного О.Г. Щитовой класса новейшей ксенолексики. В понятие новейшей ксенолексики современного русского языка «входят слова иноязычного происхождения, зафиксированные в справочной лингвистической литературе после 1990 г. и отсутствующие в более ранних изданиях; иноязычные новации, не отмеченные в словарях русского языка последних двух десятилетий или функционирующие в качестве омонимов или повторных заимствований по отношению к более ранним, а также заимствования, превратившиеся из экзотизмов в общеупотребительные слова» [9. С. 284–285].

Остановимся более подробно на разрядах слов, относящихся к новейшей ксенолексике. Важным признаком выделенного лексического класса является нерелевантность признака ассимиляции, поскольку он включает в себя как полностью ассимилированные заимствования, так и иноязычные вкрапления, варваризмы и экзотизмы, которые находятся в самом начале ассимиляционных процессов.

Внутри новейшей ксенолексики О.Г. Щитова выделяет отдельные группы слов с точки зрения особенностей их фиксации в справочной лингвистической литературе [9].

К таковым относятся:

1. Полностью или не полностью адаптированные в русском языке иноязычные наименования, зафиксированные в неакадемических словарных изданиях и служащие для именования новых для российского общества объектов действительности. Это чрезвычайно пестрый тематический ряд, куда входят и большой слой бытовой лексики, и профессиональная лексика, вышедшая за рамки своей сферы употребления, и лексические единицы, связан-

ные с новыми видами досуга, политической организации и т.п. (байкер, дайджест, провайдер, хит, хот-дог и др.).

2. Иноязычные новации отличаются от предыдущей группы тем, что они пока не зафиксированы даже в самых современных словарях, но активно функционируют в речи всех (или большинства) представителей русскоязычного социума. Общим для этих двух групп ксенолексем является тот факт, что они не имеют в русском языке (языке-реципиенте) дублетов и поэтому служат для заполнения имеющегося в культурно-языковом слое принимающего этноса номинационных лакун (вендинг, ламинат, лип-синк, райдер, стрейч и др.).

3. К третьей группе относятся лексемы, которые вошли в русский язык в результате вторичного заимствования. Академические словари зафиксировали определенное значение этих слов, но в настоящий момент они существуют в системе принимающего языка в неизвестном ранее значении. (блистер, винчестер, дюшес и т.п.).

4. Последнюю группу ксенолексики в данной классификации составляют словарные единицы – бывшие экзотизмы. Называемые экзотизмами иностранные реалии и «чужие» понятия перестали быть таковыми из-за произошедших в России общественно-политических перемен. Они вышли за пределы сферы ограниченного употребления и теперь воспринимаются современным языковым сознанием как общеупотребительные (кампус, мэр, рэп, рэкет, чизбургер и т.п.).

На наш взгляд, приведенная дефиниция новейшей ксенолексики позволяет включить в нее еще один класс, который можно определить как «дублетная ксенолексика». Дублетная ксенолексика – это особого вида заимствования – варваризмы и англоязычные вкрапления, не зафиксированные в словарях или зафиксированные в онлайн-словарях для отдельных субъязыков, имеющие исконно русские или заимствованные ранее дублеты. Характерной особенностью дублетной ксенолексики является социальная детерминированность ее употребления: ксенолексика регулярно встречается, как правило, в речи некоторых групп образованных носителей литературного русского языка.

Примером таких иноязычных вкраплений может служить речь одного из руководителей престижного московского высшего учебного заведения, который, выступая перед трудовым коллективом и говоря о трех ипостасях современного преподавателя (собственно преподавательской, научно-исследовательской и административной), заявил, что «неплохо, если при этом человек еще и «сидит в разных бордах», имея в виду членство во всякого рода комитетах, издательских советах и редакционных коллегиях. Или в интервью каналу «Культура» руководитель музея фотографии О. Свиблова говорит: «Удивительно, как из небольшого ice-дворца вырастает все это». Это предложение служит комментарием к проходившей в это время выставке реквизита к фильмам о Джеймсе Бонде.

Два других пример взяты из интервью главного редактора «Независимой газеты» К. Ремчукова на радиостанции «Эхо Москвы». Рассказывая о том, как обсуждалась с председателем правительства А. Медведевым возможность публикации его статьи в газете, К. Ремчуков говорит: «...сказал он очень

скромно, как сейчас говорят, «humbly», по-английски...)» (Эхо Москвы: Особое мнение. URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1455336-echo/>). В другом интервью К. Ремчуков комментирует высказывание секретаря Общественной палаты РФ А. Бренчалова о наращиваниях инвестиций в реальный сектор экономики за счёт сокращения расходов на исследования и консалтинг: «...вот в этом айфоне что реальный сектор, это, по Бренчалову, получается, сборка в Китае. А без «research» разве можно создать айфон и его совершенствовать?» (Эхо Москвы: URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1546112-echo/>).

Наконец, следующий пример прозвучал в утренней программе на радиостанции «Серебряный дождь». Ее ведущий Юрий Пронько предлагает радиослушателям звонить ему и сообщает номер телефона, добавив, что «префикс Москвы 495». Традиционное словосочетание «код Москвы» заменено на «префикс Москвы», который отмечен во всех словарях как лингвистический термин для обозначения морфемы, стоящей перед корнем. В высказывании актуализируется новое значение слова, которое используется в подъязыках информатики и радиосвязи для обозначения набора символов в начале какого-нибудь ряда и которое еще не зафиксировано даже в специальных словарях.

Данные примеры являются лишь иллюстрацией к сказанному, однако их количество ограничено только объемом этой статьи, но никак не количеством и масштабом употреблений в речи носителей русского языка. Даже такая небольшая подборка примеров в полной мере иллюстрирует неоднородность состава выделенного нами лексического пласта. Дублетная ксенолексика принадлежит к разным частям речи. Дублетные ксенолексеми могут иметь русскую или английскую графику, быть сложными гибридными словами, могут пройти процесс частичной ассимиляции или остаться полностью неассимилированными. Дублетные ксенолексеми, наконец, могут быть омонимами уже существующих заимствованных слов. Все эти лексеми объединены одной характерной особенностью: все они имеют в языке-реципиенте исконные или ранее заимствованные дублеты и не осуществляют присущую большинству заимствований функцию заполнения «в культурно-языковом слое принимающего этноса номинационных лакун» [9. С. 280].

В своем масштабном исследовании неологизмов в русском языке Л.П. Крысин говорит о небольшой значимости варваризмов и иноязычных вкраплений для принимающего языка. Эти лексеми не наделены признаком «коммуникативной актуальности» [10. С. 48], они не имеют перспективы войти в словарный фонд русского языка, поскольку являются абсолютно избыточными, возникают ситуативно, а «их употребление обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [10. С. 60].

Действительно, в отечественной лингвистике иноязычные вкрапления, варваризмы и экзотизмы традиционно выносятся за пределы «языковой системы принявшего их языка» [11. С. 119].

Однако в настоящий момент формируется и другая точка зрения, согласно которой «...если элемент языка А используется более одного раза по крайней мере двумя различными носителями языка В, то данный элемент

может рассматриваться как полноценное заимствование и, таким образом, является частью системы принимающего языка В» [12. С. 8].

Вполне укладываются в логику этого тезиса и рассуждения Л.В. Подсвиновой, считающей возможным отнести лексемы «лайсенз» и «бэдрум» к заимствованным словам на основании их многократной письменной фиксации в эмигрантской прессе, а также того, что они понятны эмигрантам, плохо владеющим английским языком [13].

В связи со сказанным выше представляется возможной лингвистическая интерпретация этого периферийного элемента словарного состава русского языка с присвоением ему собственного имени – дублетная ксенолексика.

Нами уже отмечалась социальная детерминированность употребления дублетной ксенолексики. В основном дублетная ксенолексика образуется окказионально и базируется на сформированном коммуникантом знании английского языка. В теории языка имеется термин, который называет язык носителя в совокупности его структурных и системных особенностей, – ксенолект. В зависимости от степени освоенности языка-цели выделяются три ксенолектных уровня:

- начальный уровень, который характеризуется определенной, но недостаточной освоенностью языка-цели;
- средний уровень, на котором система языка-цели достаточно освоена;
- пороговый уровень, на котором в достаточной степени освоены система и нормы языка-цели и происходит приобщение к узусу [14. С. 7].

Можно предположить, что дублетная ксенолексика с большей долей вероятности должна встречаться в речи тех людей, ксенолект которых соответствует пороговому или хотя бы среднему уровню. Однако не следует упускать из виду тот факт, что люди, активно использующие дублетную ксенолексику в своей речи, часто являются публичными персонами и имеют доступ к СМИ с возможностью способствовать массовому распространению дублетной ксенолексики за счет известного явления «экземплификации» [6]. Как известно, СМИ «не только оказывают влияние на развитие языка и его жизнеспособность, но и в немалой степени определяют языковую политику» [15. С. 37]. Последний фактор является одной из причин столь быстрого распространения дублетной ксенолексики среди слоев населения, чей уровень владения языком не превышает начальный.

Подобная «массовая колонизация» языкового сознания русскоязычных коммуникантов была отмечена в профессиональной сфере [16. С. 81]. В научной литературе отмечалось как просто положительное отношение специалистов к заимствованиям в их профессиональной сфере, связанное со стремлением унифицировать термины, экономить усилия или именовать лакунарные для русского языка понятия [17], так и желание «конвертировать» не только свои дипломы и иные свидетельства о получении профессионального образования, но и свои мысли и манеру именовать события, явления и т.п. в век глобализации» [16. С. 87]. В настоящий момент выявленная тенденция вышла далеко за пределы профессиональной коммуникации (хотя она и может играть определенную роль в формировании языковых пристрастий). В основном она связана с тем, каким образом языковая личность себя идентифицирует. Выделился особый тип носителей глобальной идентичности –

метроэтничность – типаж «жителя крупного города, ориентированного лишь на «индивидуальный жизненный проект» с гедонистическим уклоном и не отягощенного национальной идентичностью» [18. С. 141]. Формирование языковых и речевых навыков, вкуса и манеры общения этих людей происходило в сходной речевой среде [19. С. 167–168]. При этом круг участников коммуникации в подобном коммуникативном стиле довольно ограничен. Носители метроэтничности, как видно из значений, составляющих словарную единицу компонентов, являются жителями больших городов. (*Metro + ethnicity = Metro – a combining form representing metropolis – any large, busy city; ethnicity – a social group that shares a common and distinctive culture, religion, language, or the like*).

В силу ограниченного количества носителей метроэтничности мы можем утверждать, что это тот случай, когда «наступление английского языка захлебнулось на подступах к российской глубинке» [20. С. 151]. Однако последнее замечание не исключает того, что подобный стиль общения может иметь своих сторонников в российской провинции.

Более детальное описание этой социальной группы и роли, которую играет ксенолектная дублетная лексика в речи коммуникантов, возможно при опоре на методы и термины социолингвистики.

Для решения основного вопроса данной статьи несомненный интерес представляет анализ выделенной группы лексики с точки зрения осуществляемых ею речевых функций. Традиционно изучение функций, осуществляемых иноязычными вкраплениями и варваризмами, сводилось к той роли, которую они играли в письменном тексте. С начала XIX в., когда зародилась традиция использовать непереводаемые фрагменты иностранного текста в графике языка-источника, они осуществляли «национально-культурную» и «престижную» функции [11]. По мере становления жанров художественной литературы иноязычные вкрапления в речи героев художественной литературы служат цели «конкретно представить ту или иную историческую действительность, показать уровень человека, его увлечения и род занятий... аристократическую среду» [21. С. 95]. Наряду с уже отмеченной функцией индивидуально-речевой характеристики персонажа иноязычные вкрапления и варваризмы осуществляют в художественных произведениях функции: социально-психологическую, историческую, авторской иронии, эвфемистическую, тайноречия и некоторые другие. Иноязычные вкрапления рассматриваются в рамках характеристики индивидуального стиля двуязычных писателей [22].

В последние десятилетия иноязычные вкрапления и варваризмы существенно расширили сферы своего бытования в русском языке, осуществляя, прежде всего, номинативную функцию в новых для российской экономики сферах [23]. В языке рекламы они выполняют информативную функцию, игровую, аттрактивную, декоративную, цензурную (эвфемистическую), репрессивную (демонстрации своего превосходства), характеризующую социальное положение и/или профессиональный уровень [24].

Каковы функции дублетной ксенолексики в ситуациях реального речевого общения, ведь ее избыточность очевидна? Как известно, язык не терпит излишеств, поэтому сложно в любом языке выявить даже несколько абсолютных синонимов. Тем больший интерес представляет анализ ситуаций ре-

ального речевого общения, в которых употребляются дублетные ксенолектные единицы. В чем целесообразность замены русского слова на английское? Зачем усложняется процесс коммуникации, создаются дополнительные «шумы» в канале коммуникации, если в любом случае процесс восприятия сложен для слушающего хотя бы потому, что «прагматика говорящего не тождественна прагматике слушающего»? [25. С. 163]. Присутствие и продолжающееся укоренение дублетной ксенолексики в «языковом сознании социума» [26. С. 197], свидетельствует о том, что этот вокабуляр должен выполнять некие речевые функции, потребность в которых возникает в связи с изменившимися экстралингвистическими условиями. Отмечая подобную взаимосвязь, В.И. Шаховский пишет: «Динамика российской действительности актуализирует новые аспекты картины мира, которые требуют порождения соответствующих средств выражения и способов ведения коммуникации. Появляющиеся в речи лингвистические знаки и доминирующие тенденции их использования, в свою очередь, формируют картину мира современного социума, отражая взаимосвязь слова и сознания» [27. С. 7].

В многочисленных исследованиях, посвященных заимствованиям, отмечается наличие моды на употребление тех или иных лексических единиц, которые вместе формируют определенный вкус времени, который В.Г. Костомаров определил как «меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» [28. С. 24]. Н.В. Юдина называет его «когнитивным стилем поколения», который «меняется под влиянием изменяемых общественно-политических, социально-экономических и культурных факторов» [29. С. 167]. В настоящий момент дублетная ксенолексика достаточно популярна. Её употребление свидетельствует о знании коммуникантами английского языка и, через язык, их вовлеченности в престижный культурный круг. «Английский язык в неанглийском контексте свидетельствует о современности говорящих и символизирует власть» [18. С. 141], из чего следует наличие престижной функции, осуществляемой дублетной ксенолексикой в речи. Из большого количества контекстов для иллюстрации этого положения выберем недавнее интервью К. Ремчукова, который комментирует отсутствие результата, связанного с попыткой российских частных и государственных компаний взять в долг денежные средства в некоторых азиатских странах. «Никто не дал ни копейки никому, ни под какие гарантии, ни под чего, потому что все сказали «Мы вас очень любим, но американцы, наши партнеры, могут пойти дальше и применить к нам механизм, который по-английски называется «full compliance», то есть полное следование санкциям». Когда они выяснят, что какое-то подразделение или какой-то акционер какой-то структуры в нарушение санкций действует не так, как хотят американцы, то могут последовать санкции для них. А поскольку бизнес для прагматичных китайцев связан на мировые рынки и на рынок США, то никто ничего не нарушил» (Независимая газета: интернет-версия газеты. URL: http://www.ng.ru/politics/2015-07-06/100_echo060715.html). В данном случае вполне можно было бы опустить английскую ксенолексемию, ограничившись «применить к нам механизм полного следования санкциям», однако в этом случае не было бы отсылки к определенному документу, который хорошо знаком отправителю сообщения. Ксенолексема “full compliance” играет роль своего рода пропуска,

ключа для входа в престижный культурный и интеллектуальный круг, который повышает как авторитет говорящего, так и уровень доверия к содержанию сообщения.

Наряду с модой на определенный язык в качестве причины для злоупотребления неассимилированной заимствованной лексикой называют отсутствие желания у коммуникантов сделать умственное усилие для того, чтобы адекватно перевести иностранное слово: «лень или самоуверенность журналистов становится фактически «ленью языка», который почти утрачивает внутренние механизмы перевода» [8. С. 53]. Однако отсутствие уверенности адресата в том, что адресанту знакома та или иная иностранная лексема, подчас заставляет его прибегать к её переводу (см., например, уже процитированный пример с лексемами «скромно/humbly»), получая в результате неоправданную амплификацию (плеоназм) или, напротив, оправданную, поскольку иностранная лексема может быть средством усиления смысла, интенсификации высказывания.

Иногда ксенолексема имеет цель привлечь внимание слушателя или читателя к важному содержательному моменту. Отсюда аттрактивная функция дублетной ксенолексики.

Курьезным примером неоправданной амплификации сообщения может служить следующий диалог, состоявшийся между пресс-секретарем президента РФ Дмитрием Песковым и одним из журналистов, который состоялся 15 мая 2015 г. Курьезность этого обмена репликами состоит в том, что журналист, используя в вопросе ксенолексема «апдейт», получив ответ, уточняет у собеседника, что он понимает под этим словом:

Корреспондент: Спасибо. Тогда позвольте еще один вопрос по международным тоже отношениям. Источники в правительстве Японии рассказали о том, что на одной из недавних встреч между премьером Японии и президентом США Синдзо Абэ заявил, что он по-прежнему продолжает готовиться к визиту президента России в Токио. Есть ли какой-то апдейт по этому визиту, который уже много раз откладывался? На какой стадии сейчас подготовка, если она ведется?

Д. Песков: Нет, никакого апдейта нет.

Корреспондент: Дмитрий Сергеевич, а нельзя расшифровать слово «апдейт» здесь? «Никакого апдейта» – это что значит?

Д. Песков: Ну никаких новостей нет на этот счет. Никаких новостей на этот счет нет (Эхо Москвы: Брифинг с Дмитрием Песковым. URL: <http://echo.msk.ru/programs/peskov/1550632-echo/>).

Слово «апдейт» зафиксировано в нескольких онлайн-словарях, таких, как, например, WordReference.com и Народный словарь русского языка. В первом случае лексическая единица закрепляется за узкоспециальной профессиональной сферой компьютерных технологий, обозначая процесс обновления базы поисковой системы. Во втором случае приведенная словарная дефиниция позволяет понимать значение слова шире, как обновление любой информации.

Примером осуществления дублетной ксенолексикой аттрактивной функции может служить опубликованный фрагмент выступления историка, профессора Высшей школы экономики Сергея Медведева в рамках проекта фон-

да Егора Гайдара на тему того, какую роль настоящие и мнимые угрозы играют в российском обществе, кому выгодно нагнетание атмосферы страха и как с этим бороться: «...Россия стоит на страхе. Русские себя чувствуют жертвами. Эта виктимность прописана внутри русского человека. Здесь, кстати, интересно, что эти угрозы являются *self-fulfilling prophecy* – самосбывающимся пророчеством. Это самосбывающиеся угрозы» (Медведев С.А. Страх как духовная скрепа // Colta.ru: открытое общественное СМИ. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/7474>).

Дублетная ксенолексика в этом текстовом отрывке сопровождается дословным переводом, она не отсылает нас к первоисточнику, т.е. не является цитатой, и исключительно служит цели привлечь внимание читателей к важной мысли как за счет латинской графики, так и за счет последующего перевода. Отметим, что слово иноязычного происхождения «виктимность» не относится нами к дублетной ксенолексике, поскольку, относясь к сферам криминологии и психологии, оно зафиксировано академическими словарями и употребляется в статье именно в этом значении.

Дублетная ксенолексика информирует и характеризует. Употребление дублетной ксенолексии дает возможность коммуникантам позиционировать себя в качестве высококлассных специалистов, особенно в тех отраслях экономики, которые, главным образом, появились и сформировались за рубежом (см., например, подробный анализ семантического наполнения лексических единиц «звук» и “sound”, приведенный в работе О.Г. Щитовой [9], из которого следует, что абсолютными синонимами они могут являться только для людей, не имеющих отношения к музыкальной индустрии). Для специалистов дублетная ксенолексика содержит более специализированное по сравнению с русским словом значение и, следовательно, несет дополнительные оттенки значения, сообщая более полную информацию получателю речи. Однако получение запланированного коммуникативного эффекта возможно, только если адресат и адресант имеют общий профессионально-интеллектуальный тезаурус и оба включены в соответствующий дискурс, в котором обсуждаемые содержание и объем понятия глубоко интериоризованы. Так, в беседе с Татьяной Фенгельгауэр на радиостанции «Эхо Москвы» 19 мая 2015 г. Артемий Троицкий выступает по поводу того, что наша сборная покинула лед до того, как прозвучал гимн страны команды соперников: «Вся эта история, как мне кажется, это прямое продолжение того, каким образом шла накачка по поводу этого самого хоккейного чемпионата. И вот это я помню, то есть я на фронтпейдже «Эха Москвы» читал какие-то блоги то ли пресс-секретаря, то ли кого-то еще, где абсолютно в духе этих самых наших «киселевищ» говорилось о том, что нашей сборной устраивают Майдан» (Эхо Москвы: Особое мнение. URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1550954-echo/>).

Ксенолексема «фронтпейдж» в русской транслитерации не зафиксирована ни одним из словарей. Переводные словари определяют “front page” как «титальный лист», «первая полоса». Однако речь идет о сайте радиостанции, и для двух журналистов на передний план выступает значение, имеющее помету в англоязычных словарях “Journalism and publishing”. “Front page” значит «главная новость», «новость, достойная того, чтобы быть напечатанной на

первой полосе»: (Journalism & Publishing) important or newsworthy enough to be put on the front page of a newspaper.

Этот пример представляет для нас дополнительный интерес, потому что буквально несколькими минутами ранее Артемий Троицкий активно высказывался против засилья иностранных слов в средствах массовой информации: «...есть такое популярное выражение «коворкинг». ... По-русски это называется, по-моему, сотрудничество или взаимопомощь. Есть все эти жуткие слова: мерчандайзинг, краудфандинг и так далее. Особенно меня смущают все английские слова, которые переводятся на русский с использованием буквы W, то есть, скажем, coworking. Если это произносить коуоркинг – ну это ужасно звучит! Коворкинг – это тоже звучит достаточно уродливо. Так что я был бы рад, если бы этого не было... Со своей стороны, скажем, я был бы рад обратиться к журналистам, писателям, каким-то авторам, в том числе, может быть, каких-то бюрократических текстов, чтобы они просто по совести – ни от боязни идиотских законов от партии ЛДПР, а вот просто, потому что любят русский язык – старались воздерживаться от этих коворкингов и мерчандайзингов. По-моему, это было бы просто мило и благородно со стороны мастеров слова» (Там же). Очевидно, что, выступая против использования заимствованной лексики в других профессиональных сферах, выступающий, не замечая этого, сам прибегает к дублетной ксенолексеме «фронтпейдж» в разговоре с коллегой и потому, что уверен, что будет понят, и потому, что она отражает релевантные для конкретной коммуникативной ситуации оттенки значения.

В определенных контекстах дублетная ксенолексика может осуществлять репрессивную функцию, если коммуникативная установка коммуникантов направлена не на сотрудничество, а на соперничество. В этом случае дублетная ксенолексика является средством социального дистанцирования и противопоставления.

В противоположность последней функции, имеющей целью дистанцирование от «чужих», дублетная ксенолексика может осуществлять и обратную ей солидаризирующую функцию социального сближения. Употребление дублетной ксенолексики является быстрым способом самопрезентации, для поиска единомышленников, людей, имеющих сходные вкусы, привычки, образ мышления, жизненные установки, ценности, идеологию.

Наличие этих двух функций у иноязычных заимствований отмечает О.Б. Сиротинина. Анализируя многочисленные случаи нарушения норм русского языка журналистами, связанные в том числе и с злоупотреблением иностранными заимствованиями, исследователь замечает определенную вариативность в способах выражения медиа-персонами собственных мыслей в зависимости от того, на какую аудиторию ориентировано средство массовой информации. «Как показал мой мониторинг, иногда даже больше, чем личностность журналиста, на его речь влияет проправительственная или оппозиционная редакционная направленность издания, канала, радиостанции, о чем говорят речевые характеристики одного и того же журналиста в эфире разных редакций и на страницах разных газет. Причем различен не только и даже не столько контент, его политическая направленность, сколько его речевое выражение» [30. С. 303].

То, что иноязычные вкрапления могут служить средством солидаризации или дистанцирования в речи персонажей художественных произведений, отмечает Т.И. Большакова [22].

Аналогичный вывод был сделан в дипломном исследовании, написанном под руководством автора настоящей статьи. В дипломной работе И.П. Исаевой «Английские заимствования в речи студентов и преподавателей факультета английского языка НГЛУ» был собран достаточно убедительный материал, показывающий, что в данном микросоциуме английский язык является средством самоидентичности и отмежевания от людей, не говорящих на английском языке. Приведем цитируемый в дипломном исследовании фрагмент лекции по иностранной литературе: «...Здесь автор описывает явление хасбанд-хантинга. Сам автор, что называется *self-made man*, сам пробивал себе дорогу. А роман этот предназначен для *highbrows*». Такое обильное использование дублетной ксенолексики было бы невозможно в аудитории, не владеющей английским языком. Наряду с ощущением групповой принадлежности, появляющимся у участников коммуникации в результате употребления и восприятия дублетной ксенолексики, включение речь иноязычных элементов позволяет повысить информативную плотность высказывания, поскольку дублетная ксенолексика в данном отрывке номинирует понятийно сложные явления.

Безусловно, дублетная ксенолексика способна осуществлять эвфемистическую функцию, поскольку иностранная форма отвлекает внимание от неприятного денотата, маскирует или сглаживает резкость послания. Особенно в этом смысле показательно употребление инвективной дублетной ксенолексики. В качестве одной из характерных примет времени исследователи языка отмечают тенденцию к понижению тональности общения во всех сферах, но и в рамках этой тенденции употребление английских инвектив, находящихся в самом низу шкалы «эстетической значимости лексики» [31. С. 101], представляется недопустимым по морально-этическим соображениям. Тем не менее во время прохождения практики в средних школах города студентами Нижегородского лингвистического университета отмечалось употребление английских инвектив даже школьниками 6–7-х классов. Употребление английской инвективной лексики в присутствии учителей и других взрослых позволяло подросткам не только выделяться, обретать популярность среди ровесников, но и оставаться безнаказанными, что вряд ли было бы возможным, будь это русские инвективы.

Дублетная ксенолексика играет определенную роль в осуществлении креативной функции. Не только в художественной литературе, но и в реальной жизни одной из причин употребления дублетной ксенолексики является стремление добавить в речь экспрессивности, достичь определенного стилистического эффекта. Конечно, дублетная ксенолексика не является креативной, поскольку говорящий не создает ее самостоятельно, но всякий раз адресант сообщения выбирает иноязычную лексему из ряда синонимов и в соответствии с целью высказывания адаптирует (или не адаптирует) ее по своему усмотрению к русскому тексту. Например, делаясь впечатлениями о вечере, проведенном в клубе, студент сообщает своим коллегам-студентам: «Да, в «Скифе» было вандефульно». По мнению адресата, сообщения ни норматив-

ное «замечательно», ни жаргонное «прикольно» не могли достаточно экспрессивно передать весь спектр пережитых им впечатлений. Другим примером может служить то, как в интервью от 7 июля 2015 г. Артемий Троицкий Дмитрию Быкову объясняет, почему он отказался от предложенного ему места преподавателя в Колумбийском университете в пользу работы в одном из европейских вузов: «...ты, Дима, любишь много трудиться, а я не люблю. Америка – это езда на велосипеде в горку: если ты не жмешь все время на педали – всё, drop out. Тот, кто на такую работу настроен и за этот счет самоутверждается, там счастлив. А тот, кто любит, как я, работать в удовольствие, ровно столько, сколько хочется, вольготно чувствует себя в Европе» (Собеседник.ру: интернет-версия газеты. 2015. № 5. URL: <http://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20150216-troickiy-vse-kto-na-chto-to-sposoben-valyat-iz-rossii>).

Фразовый глагол «drop out» переводится «выкинуть, выбыть», однако его значение в английском языке «cease to participate in a race or competition» передает дополнительное значение конкуренции, соревновательности. Прекратив прикладывать максимальные усилия, человек перестает быть конкурентоспособным и автоматически выбывает из гонки.

Как видно из приведенного обзора, дублетная ксенолексика осуществляет все функции, которые выполняются полноценными заимствованиями в русском языке. Окончательная судьба этих английских вкраплений и варваризмов, характерной чертой которых является наличие их русских дублетов, будет понятна только по прошествии определенного отрезка времени. Даже отдельные дублетные ксенолексические единицы, достаточно активно функционируя в речи и осуществляя ряд полезных функций, скорее всего, вряд ли имеют шанс войти в ядерную часть русского языка. В силу наличия полноценных, исконных или освоенных русским языком дублетов и в силу небольшого процента пользователей на фоне общего количества носителей русского языка дублетная ксенолексика не может претендовать на роль обогащения словарного состава даже за счет увеличения количества более ассимилированных лексем. Как отмечал Р.А. Будагов: «Язык может обладать огромным словарем, но если этот словарь не «обработан», если дифференциация между близкими по значению словами либо мало осознается говорящими, либо не существует вовсе... то лексика подобного языка, богатая в количественном отношении, оказывается бедной функционально, недостаточно точной в общении людей» [32. С. 44].

В настоящий момент мы можем констатировать, что дублетная ксенолексика является фактом русского языка, находясь в зоне периферии между узусом и окказиональным употреблением. Она достаточно активно функционирует в различных дискурсах, включая публичный. Дублетная ксенолексика соответствует отмеченной ранее тенденции нарушать последовательность этапов ассимиляции иноязычных слов, когда при недостаточной фонетической, графической, семантической освоенности они «показывают другие признаки высокой степени ассимиляции, такие как деривационная активность» [33. С. 37]. Дублетная ксенолексика может входить в нефундаментальные словари иностранных и новых слов. Этот лексический слой осуществляет ряд речевых функций, интерпретация которых возможна в результате анализа и сопоставления всех параметров речевой ситуации, в которых эта лексика

встречается. Дублетная ксенолексика преобладает в речи представителей определенных социальных групп.

Выделенные в статье факты, описывающие дублетную ксенолексику, далеко не исчерпывают всех ее системных и функциональных характеристик. Актуализируемая в данной статье тема имеет широкие перспективы для дальнейшего исследования, поскольку относится к новому социально-культурному пространству, формирование которого происходит на наших глазах.

Литература

1. Левонтина И.Б. Русский со словарём. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. 368 с.
2. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е.А. Земской. М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа: Язык и время. СПб.: Златоуст, 1999. 319 с.
4. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. М.: Институт рус. яз. РАН, 1991. 66 с.
5. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М.: Едиториал УРСС, 2010. 280 с.
6. Гудков Д.Б. Ты всё ещё поддержка и опора // Вопр. психолингвистики. 2013. № 17. С. 143–146.
7. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: Понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 330 с.
8. Кронгауз М.А. Русский язык на грани срыва. М.: Знак: Языки славянской культуры, 2007. 232 с.
9. Щитова О.Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объёма понятия // Вестник науки Сибири. 2012. № 1(2). С. 278–286.
10. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
11. Листрова-Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления-библеизмы в русской литературе XIX века // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2001. № 1. С. 119–140.
12. Балакина Ю.В., Соснин А.В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 5–11.
13. Подсвинова Л.В. К вопросу об освоении англоязычной лексики в языке современного русского зарубежья. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fill15.html> (дата обращения: 22.05.2015).
14. Калиновская Е.А. Ксенолект как лингвокогнитивный феномен: лексическое измерение: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011.
15. Мельниченко К.А. Механизмы функционирования стандартного британо-американского английского в условиях глобализации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2013. № 1. С. 36–38.
16. Власенко С.В. Массовая «колониализация» англицизмами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации // Вопр. психолингвистики. 2007. № 6. С. 81–89.
17. Балакина Ю.В., Е.М. Вислицкая. Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та, Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 29–34.
18. Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков // Вопр. психолингвистики. 2013. № 17. С. 136–141.
19. Сиротинина О.Б. Речевая среда // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2011. Т. 12 (20). С. 167–168.
20. Макаров М. Заноза не в английском // Вопр. психолингвистики. 2013. № 17. С. 151–152.
21. Ломакина О.В. Иноязычная фразеология и паремология в текстах Л.Н. Толстого: особенности переключения языкового кода // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2014. № 7. С. 93–96.
22. Большакова Т.И. Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В.П. Аксёнова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.

23. Горностаев С.В. Пути проникновения и стилистическое варьирование англицизмов сферы игровой индустрии в современном русском языке // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2014. № 10. С. 75–81.
24. Копрева Л.Г. Иноязычные вкрапления в региональной пресс-рекламе [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-vkrapleniya-v-regionalnoy-press-reklame> (дата обращения: 31.05.2015).
25. Шаховский В.И. Креатемы как индикатор бесконечных потенциалов языкового развития // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 162–172.
26. Сковородников А.П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 194–222.
27. Шаховской В.И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2015. №1. С. 7–20.
28. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа: 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 319 с.
29. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 296 с.
30. Сиротинина О.Б. Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 293–307.
31. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: учеб. пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. Горький: ГПИИЯ, 1975. 175 с.
32. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка. М.: Добросвет-2000, 2004. 304 с.
33. Рыбушкина С.В. Ассимиляция иноязычных неологизмов в современном русском языке под влиянием экстралингвистических факторов (на примере компьютерно-опосредованного образовательного дискурса) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 392. С. 34–38.

ON THE LINGUISTIC STATUS AND SPEECH FUNCTIONS OF ENGLISH XENOLEXIS WHICH HAS ITS DOUBLETS IN THE RUSSIAN LANGUAGE.

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY, 2015, 5(37), pp. 73–88.

DOI: 10.17223/19986645/37/6

Merkulova Edit N., Nizhny Novgorod Branch of the Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: edmerk@inbox.ru / emerkulova@hse.ru

Keywords: lexical borrowings, xenolexis with their doublets in Russian, speech functions, social identity.

The use of a foreign lexical element in a recipient language is justified by a number of factors, which have been thoroughly described in linguistic literature. The new trend is to use English lexical units instead of their Russian equivalents in conversations between two or several interlocutors, or in mass communication, without translating or explaining them.

The article discusses some linguistic properties and speech functions of this specific layer of English loan words, whose units occur with a various degree of consistency in the speech of a certain group of educated Russian speakers. The author singles out a group of non-assimilated or partially assimilated English lexis which all have one common feature – they have their doublets in the Russian language. This lexical phenomenon is termed as xenolexis with their doublets in Russian and it is studied within the framework of linguistics.

Xenolexis with their doublets in Russian can belong to different parts of speech and perform different functions in a sentence; they can either be completely non-assimilated or possess a certain degree of assimilation; some of them are a result of a direct borrowing from English, while others are homonyms of loan words existing in the language.

The use of xenolexis is socially determined, as these words are predominantly used by those native speakers of Russian who have a good command of English and possess a certain type of personal identity – metro ethnicity. Earlier, these vocabulary units have been mostly used in fiction for the purposes of character drawing and speech characterization. Now you can hear them being used by real people in a variety of situations. Their frequency in modern Russian discourse is often explained by a certain vogue for foreign lexis which is associated with the ideas of power and prestige; and the laziness of interlocutors who do not bother to translate or explain the foreign insertions they use. The author has revealed a number of other functions performed by English xenolexis with their doublets in Russian. They can be a means of opposition and social distancing if the interlocutors choose the strat-

egy of confrontation. They can perform the solidarity function, being the quickest way of self presentation and creating bonds with like-minded individuals. The creativity function is revealed through the choices that the speakers make every time they opt for this or that foreign lexical unit, etc.

The conclusion is that although English xenolexis with Russian doublets is not likely to become a stable source of new words for the Russian language, destined to remain on the periphery of the Russian word stock, they are important milestones of language development reflecting the peculiar features and the dynamic character of Russian culture at the beginning of the twenty-first century.

References

1. Levontina, I.B. (2010) *Russkiy so slovarem* [Russian with a dictionary]. Moscow: Azbukovnik.
2. Zemskaya, E.A. (ed.) (2000) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Kostomarov, V.G. (1999) *Yazykovoy vkus epokhi: Iz nablyudeniya nad rechevoy praktikoy mass-media: Yazyk i vremya* [Language taste of the era: From the observation of the speech practice of mass media: language and time]. St. Petersburg: Zlatoust.
4. Karaulov, Yu.N. (1991) *O sostoyanii russkogo yazyka sovremennosti* [On the status of the Russian language of modernity]. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN.
5. Shaposhnikov, V.N. (2010) *Russkaya rech' 1990–kh. Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii* [Modern Russia in the language]. Moscow: Editorial URSS.
6. Gudkov, D.B. (2013) You are still my support. *Voprosy psikholingvistiki – Issues of Psycholinguistics*. 17. pp. 143–146. (In Russian).
7. Kostomarov, V.G. (2014) *Yazyk tekushchego momenta. Ponyatie pravil'nosti* [The language of the moment. The notion of correctness]. St. Petersburg.: Zlatoust.
8. Krongauz, M.A. (2007) *Russkiy yazyk na grani sryva* [The Russian language on the verge of collapse]. Moscow: Znack: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Shchitova, O.G. (2012) New xenolexis in the russian speech of the xxi century: the extent of the notion definition. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 1(2). pp. 278–286. (In Russian).
10. Krysin, L.P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku* [Russian word, own and alien: research on the modern Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Listrova-Pravda, Yu.T. (2001) Inoyazychnye vkrapleniya–bibleizmy v russkoy literature XIX veke [Foreign language biblicism inclusions in Russian literature of the 19th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 119–140.
12. Balakina, Yu.V. & Sosnin, A.V. (2015) Conceptual framework for code-switching and lexical borrowings from the perspective of contact linguistics. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2. pp. 5–11.
13. Podsvirova, L.V. (2008) K voprosu ob osvoenii angloyazychnoy leksiki v yazyke sovremennogo russkogo zarubezh'ya [On the development of the English language in modern Russian language abroad]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov*. [Online]. Available from: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fill15.html>. (Accessed: 22nd May 2015).
14. Kalinovskaya, E.A. (2011) *Xenoleks as a linguocultural phenomenon: the lexical dimension*. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol. Stavropol State University.
15. Mel'nicenko, K.A. (2013) Functioning of standard British-American English in the global world. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 36–38. (In Russian).
16. Vlasenko, S.V. (2007) Massovaya “kolonizatsiya” anglitsizmami yazykovogo soznaniya russkogovoryashchikh kak problema kognitivnoy fil'tratsii [Mass “colonization” of anglicisms in the Russian-speaking linguistic consciousness as a problem of cognitive filtering]. *Voprosy psikholingvistiki – Issues of Psycholinguistics*. 6. pp. 82–90.
17. Balakina, Yu.V. & Visilitskaya, E.M. (2014) English economic borrowings in the lexicon of the speakers of Russian in the era of globalization. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2. pp. 29–34. (In Russian).

18. Kirilina, A.V. (2013) Globalization and language fates. *Voprosy psikholingvistiki – Issues of Psycholinguistics.* 17. pp. 136–141. (In Russian).

19. Sirotinina, O.B. (2011) Rechevaya sreda [Speech environment]. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik.* 12 (20). pp. 167–168.

20. Makarov, M. (2013) It is not the English language that makes the trouble. *Voprosy psikholingvistiki – Issues of Psycholinguistics.* 17. pp. 151–152. (In Russian).

21. Lomakina, O.V. (2014) Foreign phraseology and paremiology in Leo Tolstoy texts: peculiarities of switching language code. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin.* 7. pp. 93–96.

22. Bol'shakova, T.I. (2008) *Inoyazychnye vkrapleniya v khudozhestvennykh proizvedeniyakh V.P. Aksenova* [Xenolexis in works of V.P. Aksyonov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh. Voronezh State University.

23. Gornostaev, S.V. (2014) Ways of interference and stylistic variation of Anglicisms in the sphere of game industry in the modern Russian language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University.* 10. pp. 75–81. (In Russian).

24. Kopreva, L.G. (2006) Inoyazychnye vkrapleniya v regional'noy press-reklame [Xenolexis in the regional press advertising]. *Nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Scientific Journal of KubSAU.* [Online]. Available from: <http://ej.kubagro.ru/2006/06/pdf/25.pdf>. (Accessed: 31st May 2015).

25. Shakhovskiy, V.I. (2014) Kreatems as an indicator of infinite potencies of language development. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice.* 2. pp. 162–172. (In Russian).

26. Skovorodnikov, A.P. (2013) On the way ecolinguistics can be applied to the state of contemporary Russian language. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice.* 1. pp. 194–222. (In Russian).

27. Shakhovskiy, V.I. (2015) Alterations in the worldview and the dynamics of language and speech practice. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 1. pp. 7–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu.2015.1.1> (In Russian).

28. Kostomarov, V.G. (1999) *Yazykovoy vkus epokhi: iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [Language taste of the era: from observations of speech practice of the media]. 3rd ed. St. Petersburg.: Zlatoust.

29. Yudina, N.V. (2010) *Russkiy yazyk v XXI veke: krizis? evolyutsiya? Progress?* [Russian language in the 21st century: Crisis? Evolution? Progress?]. Moscow: Gnozis.

30. Sirotinina, O.B. (2014) Modern communication usage and the fate of the Russian language. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice.* 2. pp. 293–307. (In Russian).

31. Skrebnev, Yu.M. (1975) *Ocherk teorii stilistiki* [Essays on the theory of stylistics]. Gor'kiy: GGPIYA.

32. Budagov, R.A. (2004) *Chto takoe razvitie i sovershenstvovanie yazyka* [What is the development and perfection of the language]. Moscow: Dobrosvet-2000.

33. Rybushkina, S.V. (2015) Assimilation of foreign neologisms in the modern Russian language under extra-linguistic influence (on the example of computer-mediated educational discourse). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 392. pp. 34–38. (In Russian).